

Татьяна ДОРОНИНА,

народная артистка РСФСР

ЖАЖДА РАБОТАТЬ

Татьяна Доронина в фильме «Певица»

ХОРОШАЯ современная пьеса — это радость не только для актеров, но в первую очередь для зрителей.

Мне повезло, я играла и играю в пьесах многих советских драматургов. Они «счастливы» не похожи друг на друга, они по-разному видят и слышат мир, но одинаково тонко чувствуют то, что принято называть «жизненными проблемами». Их героини — живые, играть их — счастье.

В театре очень важны неуспокоенность, постоянные поиски нового. Именно как поиски нового я рассматриваю спектакль, поставленный в филиале МХАТа по пьесе Э. Радзинского «О женщине».

Создателям спектакля хотелось углубить общественное звучание пьесы. Многие часы репетиций были посвящены раскрытию этого. Режиссер Б. Львов-Анохин и художник Э. Стенберг, перенеся акцент на внутреннюю жизнь героев, помогли мне заглянуть в «глаза» зрителя.

Почти одновременно с новой своей театральной работой я участвовала в съемках фильма «Певица» (название условное). Ставил фильм К. Воннов, режиссер, который умеет и любит работать с актером.

Певица — профессия трудная, высокая. Естественно, что режиссер не требовал от меня «соревнования» с профессионалами, мне до них далеко. Песни в картине — это скорее внутренние монологи. В песнях — боль и горечь потерь, трудность и радость работы, одиночество и обретение. И так же, как на сцене театра, на экране я добивалась выявления тех «общих» вещей, которые в данный момент постигла моя героиня Надежда Казакова.

Несколько лет назад одна актриса говорила мне: «Жизнь у актера — полосатая». И представилась мне эта «полосатая жизнь» похожей на зебру: черная полоса — не-

удачно сыгранная роль, белая — удача и удовлетворение.

За последнее время мое представление о «полосатости» стало иным. Сказать, как мне хочется играть, невозможно — это нельзя назвать хотением или желанием, это — необходимость, это — жизнь, жажда жить.

И вот я пытаюсь «делать» роли для себя.

Я еще не играла на сцене Шекспира. Трудно представить музыканта, который не играл бы Бетховена, а представить актера, не сыгравшего в своей жизни Шекспира, я могу. Я знаю этих актеров и сама принадлежу к их числу. И вот, чтобы «успеть», «не упустить» и хоть чуточку «приблизиться», я делаю роль «для себя».

Я знаю, как молчит Клеопатра и о чем она думает, когда молчит, какая стихия чувств наполняет все ее существо, и знаю, как «соединить» эту стихию с хитростью, расчетом. Она желала недостижимого и, понимая, что это безумие, желала недостижимого еще сильнее.

Мне не пришлось еще встретиться с Островским. Таким разным, таким русским и таким поэтичным драматургом! Я два года «сизжу» над «Бесприданницей» и понимаю тот момент великой радости, единственной радости в роли — момент освобождения Ларисы от «вещности», от «марионеточности», момент ее гибели.

Что может быть нелепее «вещи», обладающей душой? Куда и кому нужна «вещь с душой»? Это смешно — «чувствующая вещь»! А если жизнь без души, без любви, без свободы, без «я» — зачем она, такая жизнь? Тема роли — великая борьба за живую душу, за человечность.

Еще я знаю, как радуется и смеется Мирандолина, как кричит, задыхаясь, Катюша Маслова. Но пока это все я знаю про себя и лишь для себя..